

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

С Л О В О (*)

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ!

Въ день рождества Начальника мира и Спасителя всего міра не излишне будетъ сказать слово о мирѣ всего міра, по разуму міра и о мирѣ Возможимъ, сходящемъ свыше.

Была когда-то вражда и на небѣ, былъ икогда миръ и на земли. Богъ не сотворилъ вражды, вражда противна Его волѣ, опредѣлившей жизнь всего бытія къ безконечному развитію и совершенствованію отъ славы въ славу, отъ счастья къ блаженству. Вражда разрушаетъ жизнь и вноситъ въ міръ горе. Она изобрѣтеніе одного изъ вышнихъ, сотворенныхъ духовъ, который, возгордившись богатствомъ духовныхъ дарованій, восхотѣлъ измыслить свой принципъ дѣятельности для достиженія блаженства, помимо и противъ воли Божіей. Онъ хотѣлъ найти блаженство не въ положительномъ развитіи силъ, но въ отрицательномъ: на мѣсто мира онъ поставилъ вражду, на мѣсто созиданія—разрушеніе, на мѣсто любви—ненависть. Но такому принципу не нашлось мѣста въ царствѣ мира и любви, не было тамъ покоя и утвержденія ногамъ его, а потому, не имѣя точки опоры ни вгнѣ, ни внутри себя, представитель этого принципа со всею своею силою низригнулся въ бездну все-разрушающаго противорѣчія и, отъ неудовлетворенности въ своемъ стремленіи присущей потребности къ счастью, изъ зависти сталъ враждовать противъ творческой дѣятельности въ мірѣ сотворенномъ, думая найти въ этомъ успокоеніе для себя. Преимущественное вниманіе онъ обратилъ на царя видимой природы—человѣка, который недолго пользовался положительнымъ развитіемъ и раскрытіемъ своихъ силъ и способностей, такъ какъ духъ злобы указалъ ему другой путь для совершенства и счастья. Вы будете, говорилъ онъ, богоподобны, будете совершенны по вѣденію и блаженству, если только вкусите отъ запрещеннаго плода. Неопытные прародители, увлекшись враждебнымъ стремленіемъ къ совершенству и счастью, что согласно было въ этомъ случаѣ съ волею Божіею, опредѣлившею создать человѣка по образу Божію съ тѣмъ, чтобы онъ достигалъ богоподобія, не обратили вниманія на самое средство, предложенное духомъ злобы, противное волѣ Божіей и посягающее въ

(*) Произнесено въ Капелланскомъ соборѣ 25 декабря 1880 г.

себѣ противорѣчіе и разрушеніе. А средство такъ было доступно, такъ скоро достигалась имъ цѣль совершенства, такъ легко было протянуть руку и сорвать плодъ, который при томъ и на видъ былъ хорошъ и обѣщаль по виду пріятный вкусъ! Не было-ли у нихъ при этомъ даже желанія поскорѣе угодить Богу, исполнивъ Его волю относительно своего усовершенствованія, показать опытъ своего совершенства въ избраніи такого легкаго средства! Какъ-бы то ни было, но прародители не устояли противъ токого заманчиваго предложенія и послѣдовали этому отрицательному, демоническому принципу дѣятельности, чрезъ что нарушили волю Божию и внесли въ свою мысль и жизнь, въ мысль и жизнь всего потомства этотъ отрицательный законъ, который всегда сулитъ человѣчеству легкое и скорое счастье и блаженство, на самомъ-же дѣлѣ путемъ скорби и страданій ведетъ отъ несчастія къ несчастію, отъ разрушенія къ уничтоженію. Положительное же развитіе человѣчеству стало казаться тяжельмымъ, оно требуетъ постепенности, усилій, продолжительности, цѣлой вѣчности...

Властелинъ природы, царь земли, вмѣсто разумнаго господства надъ нею, становится жалкимъ поклонникомъ ея; вмѣсто того, чтобъ управлять ея силами ему, яко богу, онъ работѣнно боготворитъ ее, преклоняясь въ прахъ предъ силою и матеріею! Этотъ отрицательный способъ отношенія къ природѣ, съ цѣлію извлечь изъ ея пѣдръ блага жизни, породилъ неправильныя отношенія природы къ человѣку, которая начала приносить человѣку тернія и волкцы, вмѣсто пріятной и здоровой пищи; заразу и смерть, вмѣсто здоровья и жизни. Человѣкъ хотѣлъ чрезъ разрушеніе придти къ созиданію, чрезъ болѣзнь къ здоровью, чрезъ смерть къ жизни. По неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Божія, устроившаго все къ лучшему, мы дѣйствительно чрезъ смерть войдемъ въ новую жизнь; но сколько бѣдъ и скорбей пришлось и придется еще вынести человѣчеству на этомъ самовольно избранномъ пути дѣятельности! Этотъ демоническій принципъ человѣкъ ввелъ во взаимныя отношенія въ жизни семейной, общественной, государственной и международной. Уже между первой четой обнаружилось желаніе клеветать, уже въ первой семьѣ проявилась зависть, дошедшая до братоубійства. Адамъ чрезъ оговоръ жены, Каинъ кровію брата—желали удержать свое счастье. Не прямою, не любовію, не послушаніемъ воли Божіей стремились они осуществить блаженство, но противорѣчіемъ этимъ созидющимъ принципомъ. Въ потомствѣ жажда къ блаженству никогда не замирала, не смотря на то, что все окружающее человѣка ни мало не поддерживало надежду на достиженіе блаженства.

Природа подавляла человѣка, въ жизни семейной и общественной все было основано на грубомъ эгоизмѣ. Жить становилось всётъ тяжело: сильные желали найти блаженство въ притѣненіи слабыхъ, богатые бѣдныхъ, знатные не знатныхъ. Сословія отдѣлились непроходимую пропастью, народы стремились только къ тому, чтобы создать свое счастье на погибели другихъ, не признавая другъ за другомъ человѣческаго достоинства и права на жизнь. Вездѣ была вражда и всё мечтали, что идутъ къ миру и счастью. Были даже такіе искатели счастья, которые въ слѣпномъ самообольщеніи думали осчастливить весь міръ, проведши въ жизнь свои разрушительные принципы. Одна изъ прочтенныхъ паремій на вечернемъ Богослуженіи изображаетъ намъ такого мечтателя въ лицѣ Навуходносора, царя вавилонскаго. Мысль о всемірномъ владычествѣ, съ цѣлію облагодѣтельствовать все человѣчество, въ первый разъ опредѣленно выразилась въ головѣ Навуходносора, который желалъ *всѣмъ людямъ, племенамъ и языкамъ сущимъ по осей земли миръ да умножится* (Дан. III. 92). Это желаніе не оставило его и поглощало всё мысли. Въ ночномъ видѣніи онъ представлялъ себя подъ видомъ большого дерева, высота котораго достигала до небесъ и вѣтви его простирались до краевъ земли, оно было полно прекрасной пищи и всякая плоть, живущая на земли, питалась отъ него (Дан. VII. 10). Можно-ли имѣть болѣе прекрасное желаніе, какъ сдѣлаться благодѣтелемъ всего человѣчества! Но не исполненіемъ воли Божіей мечтатель стремился достигъ всеобщаго счастья, а нарушеніемъ, не миромъ, а враждою^(*). Откровеніе внушало ему, что Вышній владѣть царствомъ человѣческимъ, что царства благоденствуютъ при исполненіи воли Божіей, что мечта создать всемірное царство счастья помимо Бога никогда не осуществится, но гордый властитель не вразумился этимъ внушеніемъ свыше и, донедши самъ до скотоподобія, подготовилъ паденіе государства. Мысль о всемірномъ господствѣ и благоденствіи не умерла съ Навуходносоромъ, что и ему было открыто въ образномъ видѣніи. Великое дѣло объединенія людей ему показано было подъ видомъ громаднаго тѣла, у котораго глава была золотая, грудь и руки серебряныя, середина мѣдная, голени желѣзныя, нижняя часть ногъ изъ глины и желѣза. Большое участіе въ устроеніи этого тѣла принимали, послѣ Навуходносора, персы, греки, македоняне и наконецъ римляне. Велико было тѣло Римской имперіи! Глава

(*) Не благо народа имѣлъ онъ въ виду, а свое собственное возвышеніе: *ни небо воздуду, выше звезды поставлю престолъ мой, бубу подобенъ Вышнему*. Вотъ что побуждало его къ устройству блага народа!

его покоилась въ прекрасномъ климатѣ апеннинскаго полуострова, одна рука сжимала британскіе берега, другая омывалась въ священныхъ водахъ таинственнаго Нила, ногами упиралась въ громады Гималая... Но это великое тѣло не имѣло твердости, потому-что въ немъ не было органическаго единства: не было въ немъ единого духа жизни, который-бы проникалъ и оживотворялъ отдѣльныя части организма. Болѣе благородныя и тяжелыя составныя части, находясь вверху, не имѣли достаточной точки опоры для своего существованія, и, давя своею тяжестью нижніе слои, постоянно находились въ опасности низринуться съ своей высоты. Одна часть другую не понимала и, во время страданія одной изъ частей, другія не имѣли къ ней сочувствія. Всѣ жили отдѣльною жизнью и только желѣзная рука римскихъ властителей вѣншиимъ образомъ сдерживала отъ распада эти разнородныя части.

Но если тяжелы, а подъ часъ невыносимы были отношенія вѣншія, житейскія, то что сказать о состояніи духа человѣческаго, томившагося на ложно избранномъ имъ пути жизни. Въместо Божественной воли, опредѣлившей создать человѣка по своему образу съ тѣмъ, чтобъ человѣкъ достигалъ богоподобія, человѣкъ въ своемъ стремленіи къ счастью низвелъ Образъ Божій до своего грѣшнаго образа и даже ниже. Низведши до скотоподобія и низведши образъ Божій ниже образа и вида человѣческаго, человѣкъ естественно не могъ ни надѣяться на такого бога, ни любить его, а потому и самая вѣра въ міръ духовный стала исчезать. При всеобщемъ недовольствѣ жизнью явились сомнѣніе, отрицаніе, отчаяніе, но избавляющаго не было. Была попытка выбрать изъ всѣхъ религій самое лучшее и составить одну всеобщую религію, къ чему стремились какъ представители знанія, такъ и власти; но разнообразныя, часто противорѣчивыя религіозныя воззрѣнія не срослись въ одно органическое цѣлое, какъ и чувственные представители боговъ, отдѣльно сидящіе въ римскомъ пантеонѣ съ своими характеристическими особенностями... А жить хотѣлось, а жажда къ счастью не замирала и потребность къ истинѣ въ жизни и мысли, при полной неудовлетворенности ея, сильнѣе и ощутительнѣе давала себя чувствовать. Лучшіе изъ людей того времени горько завяляли о желаніи увидѣть возвращеніе золотого вѣка, какъ во вѣншей природѣ, такъ и въ обновленіи природы человѣческаго духа, который хотя и сознавалъ иногда въ себѣ требованіе воли Божіей и всю порочность своего состоянія, но не было силы, чтобъ измѣнить свою мысль и свою жизнь. Глубоко-прочувствованнымъ словомъ жизненной правды изображаетъ это тяжелое состояніе,

св. ап. Павелъ когда говоритъ: *знаю, не живетъ во мнѣ добро... Желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, то не нахожу. Добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зла, котораго не хочу, дѣлаю... Бѣднѣй я человекъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?...*

Но, вотъ, когда по всей землѣ слышится тяжелый вопль отчаянія о безнадѣжности устроить счастье на земли и о безотрадномъ будущемъ, — съ горныхъ сферъ несетя гласъ небожителей, выражающихъ радость о рожденіи Начальника мира и Спасителя: Слава въ вышнихъ Богу, восхваляютъ они, и на земли миръ!

Но многимъ былъ слышенъ голосъ небожителей. Рожденіе Спасителя было смиренное и его не многіе замѣтили. Родился Онъ въ Палестинѣ, которая въ то время составляла ничтожную римскую провинцію, произошелъ изъ народа презираемаго, отъ родителей бѣдныхъ, жившихъ въ такомъ ничтожномъ городѣ, Назаретѣ, что сами евреи ничего не ждали отъ него хорошаго. И вотъ изъ такого-то незнамаго мѣста Палестины, страны вообще гористой, какъ-бы отъ пѣвостой горы, безъ всякаго содѣйствія со стороны человека отторгается камень, безъ рукъ, т. е. рождается Христосъ отъ Св. Дѣвы Маріи, безъ мужа, и *удары великое тѣло въ познѣ желѣзны и скуделны, и истины ихъ до конца*. Не устояло великое тѣло, какъ дѣло рукъ человѣческихъ, оно задрожало отъ легкаго прикосновенія вышней силы, рухнуло и въ свѣжѣ паденіи разбилося въ прахъ.

Камень-же, поразившій тѣло, бысть взра велика и наполни всю землю, т. е. проповѣдь о І. Христѣ, краеугольномъ камени, въ скоромъ времени распространилась по всей землѣ чрезъ смиренныхъ Его учениковъ, которые произвели всемірный переворотъ въ понятіяхъ, правахъ, обычаяхъ, въ образѣ жизни частной, общественной, государственной. И многіе, принявшіе ученіе І. Христа о мирѣ и любви, нашли не только внутренній миръ въ своей душѣ, но и внѣшнія отношенія, въ которыя стала проникать любовь, сдѣлались мягче и человѣколюбивѣе, особенно въ жизни церковной. Новое тѣло человечества стало создаваться подъ духовною Главою І. Христа, Который выѣстъ съ тѣмъ служить и главнымъ краеугольнымъ камнемъ; князи міра, Апостолы, они-же и основаніе новаго зданія. Большой да будетъ всемъ слуга и сильнѣи помощи немощныхъ должны носить и не себя угождать — вотъ основныя принципы, которыми руководились строители при созданіи цар-

ства Божія на земли, въ которомъ должно было возрастать все человѣчество, какъ одно великое тѣло, имѣющее единъ духъ.

Но врагъ рода человѣческаго не дремалъ и когда люди, болѣе или менѣе успокоенные миромъ, отдыхали, онъ веѣлъ плевелы и изъ разваливъ распахнутаго зданія человѣческаго начали опять произрастать сорныя травы, которыя опутывали молодые побѣги отъ виноградной лозы Господа нашего І. Христа и до того сдавливали ихъ иногда въ своихъ хищныхъ объятіяхъ, что къ нимъ совершенно прекращался доступъ жизненныхъ соковъ. Явилась опять борьба, открылась вражда и на мѣсто мира вверженъ былъ на землю мечъ, который разлучилъ между собою христіанскіе народы, государства, общества, семейства... Многие изъ обращавшихся въ христіанство вмѣсто того, чтобы усвоить духъ его, ввести его въ свою мысль и чувство, сдѣлавъ неизмѣннымъ правиломъ въ жизни, искали въ немъ только успокоенія безъ очищенія, блаженства—безъ заслуги, мира—безъ искорененія вражды въ себѣ. Хотѣли внести въ христіанство свои мысли, свои чувства. И вотъ проходитъ XIX вѣкъ послѣ рожденія Начальника и Совершителя мира, а мира настоящаго мы не видимъ на земли. Миръ Мой оставляю вамъ, говорилъ І. Христосъ предъ своими страданіями, миръ Мой даю вамъ. Что-же мы не видимъ мира доселѣ? Неужели изпомогло Божіе Слово? Да не будетъ! Отсутствие мира въ мірѣ зависитъ не отъ оскуднѣнія милосердія Божія къ намъ, но отъ недостатка пріемлимости со стороны человѣка. Миръ Божій не многіе принимаютъ, человѣчество хочетъ устроить счастье опять по своему, а потому и мира нѣтъ въ мірѣ. Человѣчество также, какъ и въ древнія времена строить свои идеалы блаженства и употреблять для достиженія ихъ свои средства. Не изчезаютъ на земли мечтатели, думалюціе мочомъ доставить счастье всему человѣчеству, они въ самозабвеніи готовы весь міръ обогреть кровію, чтобы только устроить по своему счастье на земли. Сегодняшнее церковное торжество о рожденіи Начальника мира, соединенное съ гражданскимъ празднованіемъ въ память назверженія нарушителя мира во весь міръ, убѣдительно свидѣтельствуетъ намъ, что устроители счастья, подобныя Навуходпосору возможны и въ XIX вѣкѣ! Стремленіе осчастливить міръ чрезъ постоянныя внѣшнія войны, или внутреннюю революцію, забота о мірѣ чрезъ усиленное вооруженіе—не чужды многимъ радѣтелямъ о счастьи и въ настоящее время... Помимо того являютсѣ многочисленныя самозванные радѣтели о счастьи, которые предлагаютъ разнообразныя средства человѣчеству устроить его счастье. И все это

хотятъ сдѣлать помимо Божественнаго откровенія, помимо церкви и всякой власти. Всѣ мы желаемъ мира и счастья, по всякій по своему. Желанія большею частію у всѣхъ хороши, но средства до того плохи, что мы большею частію приходимъ къ противоположнымъ нашему желанію послѣдствіямъ. Всѣ мы желаемъ себѣ здоровья, но живемъ такъ, что наживаемъ только болѣзни, желаемъ отдохнуть отъ трудовъ, но средства избираемыя для этого часто приводятъ насъ въ крайнюю усталость. Понедѣльники—тяжелые дни! Желаемъ найти счастье въ богатствѣ, но богатство бываетъ въ тягость; стремимся къ знатности, къ власти, но наживаемъ себѣ враговъ и недоброжелателей. Но по заморямая жажда стремленія къ мирной и счастливой жизни никогда, кажется, не обнаруживалась съ такою силою въ человѣчествѣ, какъ во второй половинѣ XIX вѣка, и никогда, кажется, не было такого разочарованія въ результатахъ поисковъ, какъ въ нынѣшнее время. А все отъ того, что не идутъ мира Христова и не хотятъ даже искать его многіе въ той ложной увѣренности, будто христіанство отжило свой вѣкъ. Одни, указывая (Бокль) на уродливья проявленія жизни среди христіанскихъ народовъ, не понявшихъ и не усвоившихъ духъ Христова ученія, смотрять на нихъ, какъ на результатъ жизни по закону Христа, забывая что христіанами можно быть только по имени и что царствіе Божіе для нѣкоторыхъ лицъ, особенно цѣлыхъ народовъ не скоро проходитъ. Возрастъ духовный иногда бываетъ очень медлительнъ. Другіе прямо отрицаютъ самые принципы христіанской дѣятельности не только въ жизни, но и въ мысли. И въ этомъ отношеніи, нужно сказать, нѣкоторые ушли далѣе древнихъ, языческихъ беззаконниковъ. Такъ основное откровенное ученіе, выраженное въ десяти заповѣдяхъ, или лучше—въ двухъ, выражающихъ одну любовь, не только не исполняютъ, но и въ принципахъ отрицаютъ. Древніе поклонялись многимъ богамъ, новыя не хотятъ признавать ни единого; древніе призывали боговъ въ праздныхъ разговорахъ, новыя не хотятъ даже, чтобы слово Богъ оставалось въ человѣческой рѣчи; древніе устроили для себя истукановъ, новыя хотятъ изъ себя сдѣлать бездушныхъ кумировъ; древніе нарушали праздники въ честь боговъ, новыя празднуютъ въ честь тѣхъ лицъ, которые сознательно шли противъ Бога и закона, начиная съ Каина и нисходя чрезъ Корея, Гуду, Дантона, Марата, Робеспьера до позднѣйшихъ враговъ Бога и людей, гибнущихъ на висѣлицахъ и эшафотахъ. Древніе считали грѣхомъ оскорблять родителей и тѣхъ, иже во власти суть, новыя считаютъ для себя оскорбленіемъ и униженіемъ оказывать

любовь къ родителямъ, уваженіе, даже простое приличіе ко властямъ. „Ни Бога, ни власти“,—вотъ что начинаютъ уже во всеуслышаніе проповѣдывать! Убийство входитъ въ программу ихъ дѣятельности, какъ неизбежное право природы сильнаго надъ слабымъ въ борьбѣ за существованіе. Седьмая заповѣдь вызываетъ только улыбку на несчастныхъ устахъ и нарушеніе ея привѣтствуется, какъ возстановленіе поруганныхъ правъ свободы женщины, какъ шагъ впередъ на пути цивилизаціи; воровство считается добродѣтелью, собственность преступленіемъ! Жизнь неизбежно вызывается принципомъ одной земной пользы и страстнаго пожеланія имѣть все общимъ... Иные ищутъ счастья въ знаніи исключительно предметовъ видимаго міра и практическомъ примѣненіи знанія къ удобствамъ жизни, забывая, что это одно знаніе не можетъ доставить человѣку внутренняго успокоенія; другіе стремятся къ разрушенію всякаго образованія и всего того, что выработано въ жизни практической подъ вліяніемъ религіи и образованности и хотятъ ввести въ жизнь полное разрушеніе съ цѣлю возвратитъ человѣчество въ то, по ихъ мнѣнію, естественное состояніе, когда человѣкъ жилъ вполне счастливо, не отдѣляя себя отъ природы и не сознавая различія между добромъ и зломъ, я и не я, мое и не мое. Возвращеніе къ скотской жизни составляетъ идеаль стремленія подобныхъ людей къ счастью. Ихъ идеаль человѣческаго общества гораздо ниже идеала древнихъ. Человѣчество представляется имъ какой-то безобразной, безформенной массой, не имѣющей ни вида, ни доброты. Никакая мысль не проникаетъ въ эту массу, никакое чувство не согрѣваетъ ее. Какой-же миръ можетъ быть между народами и царствами, между религіями и церквами, когда, при всемъ иногда усердіи строителей церкви и созидателей государства, нѣтъ пригоднаго матеріала для созиданія! Трудно заботиться о внѣшнемъ мирѣ, когда великій, помимо воли Божіей, устрояетъ свое счастье по своей воли, которая необходимо сталкивается съ волею другихъ, что и бываетъ причиною раздора. *Царствіе Божіе внутрь васъ есть*, говоритъ Спаситель, а въ царствѣ Божіимъ миръ и правда и радость. Послѣдуемъ-же голосу Божественнаго Учителя, поищемъ мира прежде всего въ себѣ, подчинимъ свою волю велѣніямъ Божіимъ, при осуществленіи которыхъ въ жизни и возможно только возрожденіе человѣка въ то состояніе, когда онъ, умиротворивъ борьбу добра со зломъ въ себѣ самомъ, будетъ выносить миръ изъ себя во всю внѣшнюю жизнь. Конечно для этого требуется тяжелая внутренняя борьба, пужны великіе подвиги самоотверженія, чтобъ искоренить въ себѣ прици-

ше въ насъ, но дорогіе намъ, грѣховный умъ, волю и чувство, и возродить въ себѣ умъ, чувство и волю, вложенныя Творцомъ въ нашу природу; но при такомъ возрожденіи человѣкъ уже не будетъ ощущать тяжести при исполненіи воли Божіей, потому что воля человѣка будетъ богоподобной и, при общемъ возрожденіи, болѣе или менѣе одинаковой у всѣхъ людей. Разнообразіе будетъ, но не будетъ противорѣчія. Возрожденный человѣкъ будетъ исполнять волю Божію по внутренней, естественной потребности, какъ теперь по физической потребности, безъ всякаго внѣшняго принужденія, мы утолиемъ голодъ, жажду. При такомъ-то ростѣ христіанской жизни и возможно водвориться на земли полному миру, когда не будетъ вражды внутри насъ, когда человѣчество свои убѣжденія, чувства и стремленія воспитаетъ въ духѣ ученія Христова и будетъ какъ-бы одно великое тѣло и одинъ духъ. Въ противномъ-же случаѣ, когда каждый по своему усмотрѣнію будетъ устроить свое и чужое счастье, столкновеніе и вражда неизбежны при всемъ желаніи общаго блага.

Ректоръ семинаріи, протоіерей *Петръ Поповъ*.

НОВЫЙ ГОДЪ И ХРИСТИАНСКОЕ ЛѢТОСЧИСЛЕНІЕ.

Празднованіе новаго года имѣетъ нравственное значеніе. Проживъ годъ, съ его пережънами въ радости и горѣ, въ счастьѣ и несчастьѣ, причѣмъ чувствуется всегда преобладаніе послѣдняго, человѣкъ наконецъ утомяется и его нравственныя силы ослабѣваютъ въ виду безуспѣшности борьбы съ противоположными его стремленію препятствіями. Но вотъ монотонное теченіе года заканчивается. Наступаетъ „новый годъ“, и человѣкъ, забывъ тяжелую бесплодность минувшаго года, вновь вдохновляется надеждой на новый годъ, который по неискоренимому въ немъ убѣжденію долженъ быть болѣе благоприятнымъ для достиженія цѣлей его жизни, и эта надежда, которая какъ и вѣра двигаетъ горы, вновь освѣжаетъ ослабѣвшія силы, вновь наполняетъ человѣка энергіей.

Начало новаго года въ различныхъ времена и у различныхъ народовъ праздновалось въ разное время. Даже и въ христіанствѣ, ведущемъ свое лѣтосчисленіе отъ рожденія своего Основателя, оно значительно разнообразилось до послѣдняго времени. Въ Россіи, какъ извѣстно, годъ сталъ начинаться 1-го января только съ Петра Великаго. До него счетъ велся съ сотворенія міра и началомъ года, по постановленію московскаго собора въ 1492 году, считалось 1-го сен-